

УДК 97(470.67)+63(5)

СОЧИНЕНИЕ АБДУРАХМАНА ИЗ ГАЗИКУМУХА «ПАДЕНИЕ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ ВСЛЕДСТВИЕ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА ОСМАНОВ В 1294 ГОДУ» В РЕДАКЦИИ 1884 ГОДА

М. А. Мусаев, М. Г. Шехмагомедов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье впервые произведен перевод на русский язык сочинения Абдурахмана из Газикумуха «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства Османов в 1294 году» в редакции 1884 г. Будучи свидетелем событий, автор приводит интересные сведения и дает им собственную оценку. Абдурахман пишет о положительном опыте российской власти в Дагестане и на Кавказе, анализирует причины падения имамата и др. Сочинение завершается рассуждениями автора, пронизанными идеями модернизма.

In the frame of this article the work by Abdurakhman from Gazikumukh "The Fall of Dagestan and Chechnya as the Result of the Osmans Instigation in 1294" in the version of 1884 was for the first time translated into Russian. Being the eyewitness of these events, the author puts some interesting data and evaluates them. He writes about the positive experience of Russian authority in Daghestan and on the Caucasus, analyzes the reasons of imamate fall and etc. This work is completed by the author's reasoning threaded by the ideas of modernism.

Ключевые слова: Абдурахман из Газикумуха; восстание 1877 г. в Чечне и Дагестане; джадидизм; имапат.

Keywords: Abdurakhman from Gazikumukh; the 1877 revolt in Chechnya and Daghestan; jadidism; imamate.

Среди дагестанских арабоязычных хроник и исторических сочинений XIX века творчество Абдурахмана из Газикумуха занимает особое место. Его наследие известно, но для широкого круга историков и исследователей оно стало доступным относительно недавно.

До нас дошло несколько сочинений Абдурахмана. Они написаны на арабском языке: «Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля» («*Хуласат ат-тафсил ан ахвал ал-имам Шамуил*») [1]; «Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада, шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Сочинено и написано в Тифлисе в 1285 году» («*Китаб тазкират саййид Абдаррахман ибн устад шайх ат-тарика Джамаладдин ал-Хусайни фи байан ахвал ахали Дагестан ва Чачан аллафаху ва катабаху фи Тифлис фи санати 1285*») [2]; «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1877 году» («*Сукут Дагистан ва Чачан би йара али Усман фи санати 1877*»). Последнее было завершено 1 января 1883 г. Рукопись этого сочинения была обнаружена в фондах Грузии и введена в научный оборот Н.Г. Канчавели. Напечатанный текст произведения с переводом на грузинский язык был опубликован в 1975 г. Н.Г. Канчавели в журнале «Мравалтави» [3]. На русский язык это сочинение было переведено С.М. Гусейхановым и М.А. Мусаевым и снабженное предисловием и комментариями опубликовано в 1-м выпуске «Дагестанского востоковедческого сборника» в 2008 г. [4].

Имеется еще одно сочинение Абдурахмана под аналогичным названием (за исключением замены автором сочинения в наименовании «1877 год» на его эквивалент по хиджре – «1294 год»). Текст, в напечатанном виде, впервые был опубликован Н.Г. Канчавели в 1985 г. [5] Статья написана на грузинском языке, что создает понятные трудности для знакомства с данной работой широкого круга исследователей. Этот пробел мы восполняем.

Перевод текста.

«Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства Османов в 1294 году»

Сгустились тучи порохового дыма от выстрелов пушек, произведенных друг в друга, когда две великие державы – русская и османская столкнулись в 1294 году. Вторая [из них] метала гром и молнии и с ее стороны полетели призрачные искры, из-за которых возгорелись недостойные в Дагестане, верные же нашему государству уцелели от грязи измены, [благодаря] своей чистоте. Когда разошлись тучи и прекратилась вражда между обеими державами, то засохли посевы надежд этого края, а османские динары, обещанные Алибеком-хаджи последовавшим за ним, превратились в мешки с пометом, которые ни чеченец, что родился в лесах, не подберет, ни дагестанцу, живущему в безлесых [горах], без пользы. Обольстившись, оба они обманулись в своих сумрачных чаяниях и призрачных надеждах. [Они оказались] обмануты, их разум не испил [из чаши] мысли и слепы оказались их сердца.

Но если скажут, что все было предназначено и произошло по воле Всевышнего Аллаха, то следует ответить: эти слова есть истина, но деяния [были] глупы, и мудрый и искушенный не будет совращен призрачной тенью, так же как мельница не станет вертеться без текущей воды. Далее от искр того костра запылали дома, округа и вся земля «стала багряной, как покрасневшая кожа» [6], а жителям Гумбета (*Гунбет*), пригубившим из кувшина безрассудства, пришлось в конце испить ведра несчастья. Остальные дагестанцы не взяли урока из их участи, были неосмотрительны и слепы. Они пошли по следам глупых, не отрешившись от дремоты забвения и бремени сна. Пройдя через тот мост [7], они дошли до ручья бесчестия, испивший же погиб, а сметливый и благоразумный спасся.

В авангарде тех, кто взял приз первенства на поле позора, были жители селения Телетль, где останавливался покойный фельдмаршал князь Барятинский, покоривший Дагестан и Чечню в 1859 году. Подпоручик Муртадаали Телетлинский, брат Кебед-Мухаммада [поступил] предательски, [позабыв о долге] куначества с Барятинским, тем самым закончились царские милости, которыми он был одарен. Его повесили в Гунибе вместе с другими главарями бунтовщиков. Русские войска срубили их под корень, а генерал-майор Накашидзе разбил остальных у Салтинского моста, именуемого Георгиевским, а также в округе Акуша и Левашаи. Одновременно [с ними] из Темир-Хан-Шуры двинулся генерал-адъютант князь Меликов с многочисленным войском вместе с отважным военачальником и мужественным полковником Тер-Асатуровым, командовавшим первым дагестанским кавалерийским полком [8]. В то время я отправился с ним на свою родину Гази-Кумух, и сердце мое при этом пылало пламенем [в переживаниях] за семью, оставшуюся там, подобно овцам брошенным среди волков, волков обманутых и испивших из родника безумства.

За несколько месяцев до описываемых событий я уведомлял полковника поляка (*ал-Ляхистани*) Войно-Оранского, помощника управляющего Средним Дагестаном о том, что я услышал от благочестивых и верных людей из числа дагестанцев и чеченцев, которые в течение 25 лет верой служили покойному моему отцу сейиду Джамалуддину и имаму Шамилю, да смилуется над ними Аллах. В частности, я сообщил ему об очевидных переменах и смутных настроениях в селении Согратль и в соседних с ним [селах], которые [в итоге] явились очагом смуты и восстания против нашей российской державы. Но, увы, этот полковник не проявил какого-либо внимания, не предпринял ничего, чтобы погасить это смуту и излечить недуги, проявившиеся в Среднем Дагестане, будучи в силах это сделать. Тогда, увидев, что обстановка с каждым днем все ухудшается, я сел на мула и тайком отправился Шуру. Прибыв туда, я обрисовал местному начальству всю эту отнюдь не радостную картину. И тогда, не медля, мы вышли в сторону бунтарей, обманутых пустыми чаяниями, от которых нет никакого прока. Когда мы дошли до Цудахара, где укрылись последние силы мятежников из числа селян и жителей Кумуха, нам стало очевидным, что эти люди невменяемы и нет надежды [их вразумить]. Мы обрушили на них огонь из больших пушек, так что через некоторое время бунтари обратились в бегство вместе со [своим] главарем ротмистром Абдулмаджидом Газикумухским, впоследствии повешенным в Гунибе, и его соратниками.

Также майор Гайдаров (*Хайдаров*) Дербентский вместе с Самурским батальоном совершил смелое наступление на повстанцев, укрепившихся в селении Хурукра

(Кирбукра) Казикумухского округа. В течение короткого времени удалось силой взять его, а все, кто находился в укреплении, обратились в бегство, прикрываясь друг другом, как живым щитом. Восставшие были убиты, пленены и побеждены. Они отступились от своих намерений, которые [они] готовы были отстоять, и не смогли защититься паутиной сплетенной их пауком. Смутьяны оказались повержены.

На следующий день, очистив село от конных и пеших [воинов], мы оставили цудахарские земли и ступили на земли моей родины Кумуха. Пройдя сквозь расщелину среди высоких гор, раздвинутых волей Господа, мы остановились перед селом, но прежде к Меликову смиренно и покорно пришла группа [лиц], «каясь в торговле, совершенной себе в убыток».

Горе этой земле, что дала себя обмануть глупцам из Телетля и Согратля и «их вороне без когтей и клюва»! Какое ей найти оправдание перед царем после совершенного ею вероломства! Ведь до этого не ступала на нее стопа чужака, кто бы то ни был, даже имам Шамиль в эпоху своего имамата в Дагестане и Чечне во времена генерал-адъютанта князя Аргутинского-Долгорукова. Российское государство наделило этот [Казикумухский] округ особым почетом и вниманием и наградила Георгиевским знаменем за верную службу российской державе и заслуги в ратных делах. Не склонился этот край перед Шамилем в эпоху его борьбы с Россией. Но сейчас она потеряла свое прежнее положение в глазах авторитетных людей державы.

«Тот, кто творит добро, [поступает] лишь на пользу себе. Тот, кто творит зло, [поступает] во вред себе» [9]. Прежде [кумухцы] были независимы, но теперь ходят в унижительном подчинении перед всяким противником и гордецом.

Когда двоих кумухских беков Абдулмаджида и Фатаали насытили, одели и возвысили, то взбаламутили они источник, откуда сами пили. Более он не очистился для остальных, даже подобных мне, кто верой и правдой служит державе. [Теперь] относятся одинаково к тому, кто восстал против нее, и к тем, кто сражается с ней на одной стороне. Даже в некоторых вопросах им дали предпочтение, как это обычно бывает в диких краях.

Так вот эти беки посеяли смуту на Кавказе, и уместно было бы сказать про них слова одного мудреца: «Я долгое время воспитывал щенка, и когда он вырос, то схватил меня за ногу». Какой позор и безрассудство в том, что они содеяли, убив своих безоружных гостей и образцовых начальников. Разве это мужество – мстить тому, кто проживает у тебя во дворе, или убивать нескольких солдат, находившихся в крепости, а также извлекать покойников из могил на глазах [солдат] или же бросать младенца на лезвие сабли и прокалывать трупы острием пики. Клянусь Аллахом, нет такого в религии, и оправдывающий это – вероломный безумец. Деяния эти окончательно разорвали нить доверия и могли бы стать причиной прекращения всякой связи со стороны державы, если бы не государь, чья милость была выше его гнева. В особенности это касается кумухцев, которые являлись самыми благонадежными поданными в Среднем Дагестане, даже можно сказать на всем Кавказе, дававшими жесткий отпор и преграждавшими путь всякому врагу [России]. Но, несмотря на все, что произошло, великий император опустил на них крыло милосердия и подвергнул наказанию лишь некоторых преступников и смутьянов. «Ведь всякий раб ошибается, а господин гневается и прощает».

А что касается начальника [округа] полковника Чембера, жестоко убитого без всякой вины, то хотя он и был справедливым в решениях, но, будучи грубым в речах и обладая острым языком, так и не смог понять пылкий нрав дикого края, хотя это [понимание] было жизненно необходимым. Более того, он смотрел на все происходящее сквозь пальцы и ничего не предпринял [для предотвращения восстания]. Он верил своим приближенным в Кумухе и пренебрегал другими знатными и рассудительными людьми. Он полагал, что если приблизит к себе своих врагов и наладит с ними отношения, то остальные подданные улучшат свое отношение к нему самому и к [российскому] государству. Такое мнение было присуще и всем остальным начальникам в Кумухе.

До [начала] этих событий упоминаемый полковник приложил все усилия для того, чтобы убрать линейный батальон, находившийся в кумухской крепости, вследствие ухудшения его отношений с командиром батальона полковником

Лященко (Лятсенко). Он полагал, что наличных сил достаточно и что в [солдатах] нет нужды, хотя в итоге обстоятельства показали обратное. И вот когда смутьяны поняли, что в крепости уже нет гарнизона, [кроме как] нескольких солдат и военные средства [ограничены], то тут даже всякий трус осмелел, и каждый подневольный стал искать главенствующего положения. Безрассудно искать себе гибель, бросившись на штурм крепости, и [вследствие чего] погубить около двух тысяч человек, подтолкнули алкоголь шемахинского христианина-виноторговца Мовсеса Мирзаева, а также новый согратлинский имам, который дал разрешение на его распитие в месяц рамадан. Хотя третий имам Дагестана Шамиль, да смилуется над ним Всевышний Аллах, отрезал головы всякому, кто осмеливался разговляться [в неурочное время] даже чистой водой. Это некоторые из причин, побудивших смуту.

Ну а мотивом для скрытой вражды к Чемберу со стороны штабс-капитана Фатаали-бека и его сторонников стало абсолютное незнание первым местного языка и отсутствие правильного понимания [слов], а порой понимания откровенно ошибочного. Он доверял некоторым доносчикам без всякой проверки [их слов]. Если бы он до конца исполнял порученные ему дела в вверенном ему округе, то не столкнулся бы он с той жестокостью, грубостью и злобным упрямством со стороны [населения]. Ведь зачастую человек мягкостью и добротой достигает в своих делах того, чего бы он грубостью и жесткостью никогда не достиг.

После умирения смуты в Кумухе князь Меликов направился в сторону Согратля – источника смуты, как [уже] упоминалось выше. Когда мы встали в долине перед селением, то жители его начали выказывать признаки своей вражды и противостояния могущественному войску царя. Они предали огню все хутора, окружавшие село, вместе со всеми запасами зерна и стогами сена, чтобы не были употреблены [войсками]. [Видимо] забыли, что путник не выходит без припасов и транспорта, в особенности сильное войско императора. На [следующий] день, когда был открыт путь к ним, мы поднялись на гору, стоящую над селом, и закрепились там. Между тем жители села, а также те, кто сбежал к ним с разных сторон, засели в построенном ими укреплении между нами и селом. Тогда наши войска начали пушечный обстрел засевших с двух сторон и за короткое время разрушив [укрепление], ринулись на него с другой стороны. Многие из них были убиты, некоторые отступили к селу, а остальные на второй день с повинной явились к князю Меликову. В их числе был доставлен и раненый дядя Алибека-хаджи Чеченского вместе с остальными членами семьи [Алибека]. Сам Алибек-хаджи – османский эмиссар, направленный к смутьянам, ночью сумел бежать. Отец имама хаджия Мухаммада хаджий Абдуррахман, вскоре после этого скончавшийся, был доставлен к нашему войску на деревянной лестнице, так как он в виду своей немощности не мог ходить. И когда этот старец был представлен перед князем Меликовым, он стал отрицать, что он был заодно с бунтарями, хотя прежде способствовал началу смуты в Дагестане, опоясыванию мечом имама Шамиля и провозглашению имамом своего сына. Имам был повешен после этого в Гунибе. [Разве Абдуррахман-хаджи] не ведал, что каждый, кто берется быть имамом среди нас, надевает себе на шею веревку. Увидев, что отец имама дряхлый старец, лишенный умственных способностей и здравого рассудка, князь не стал его наказывать. Несколько преступников были схвачены и сосланы в Россию.

В 1881 г. нашим наместником стал генерал-лейтенант князь Николай Зурабович Чавчавадзе, известный среди нас похвальными качествами, и до сих пор мы благоденствуем под [его] правлением, не зная никаких угроз. Говоря иначе, когда надежды нарушителей, сосланных в Сибирь, на возвращение на родину [иссякли], Всевышний пролил на них милосердие Великого императора Александра III. Через него Аллах отрыл им свою великую милость в час, когда сердце [императора] возвысилось Божественным светом и царской короной [10], «корни которого прочны» [11]. Молитва их ему и его роду, чтобы царствовал он в благоденствии! Да будут увековечены его достоинства, и да будут далее процветать в изобилии подобно траве, что растет после обильного дождя! Ведь царь подобен чистому морю, полному жемчужин, пока не поднимутся бури и всякие вероломные идеи не замутят его и поглотят своими губительными и страшными волнами всякого, и грешника, и праведника.

Кроме того, каждый, кто хочет иметь представление о Дагестане, должен знать, что до появления трех имамов – Гази-Мухаммада, Хамзат-бега и Шамиля он представлял собой источник смуты. Как рассказывали нам облеченные [знаниями] старики, путник не мог без опасения отправиться из одного села в другое. Когда объявились эти имамы, то искоренили они эту смуту и создали [государственно-правовую] систему, которая в течение многих лет [позволила] в изоляции противостоять Российской империи, несмотря на то, что уступала ей в количестве и оснащённости [войск]. Они полагали, что эта борьба будет длиться долго и даст ей независимость. Однако с каждым днем убеждаясь в том, что силы на исходе, государство [Имамат] покорилось, «отпустив поводья сопротивления на шею объединению» и предстало перед ее покорителем генералом фельдмаршалом князем Барятинским, скинув с себя ненужный плащ войны.

Но, вместе с тем, пребывая в своей прежней форме, которая порождает религиозный фанатизм и дикость [в нравах], корни которого не удаётся до сих пор извлечь, он остается местом ненадежным. Как бы ни было, эти напасти со временем непременно исчезнут, «ведь время всегда побеждает над своими сыновьями и те склоняют свои головы под когтями». Ведь смута против силы может только погубить. И подобно тому, как упомянутые имамы стали во главе, чтобы установить опоры религии и поднять знамя войны против Российской империи, то и [некоторые] ученые их поспособствовали тому, чтобы это все рухнуло, дозволив проливать кровь и отбирать имущество тех мусульман, которые не совершили хиджру к ним [в имамат] и остались на своих обжитых местах в подчинении России.

Когда они [мусульмане, оставшиеся под русским управлением] поняли, что последователи имамов ради своей победы пренебрегают их жизнями и имуществом, то стали смотреть на них как на разбойников, у которых только одна цель – нажива мирского имущества и кровопролитие. В них вселилась неприязнь к ним, и, довольствуясь той религией, что исповедовали у себя на местах, предпочли ад на родине, чем рай рядом с мюридами. Если бы имамы не прислушивались к тем ученым, которые притесняли народ и настраивали их против своих предводителей, дотошно не заставляли бы их соблюдать все предписания шариата до всякой мелочи, не разрешили бы проливать кровь своих братьев по религии, верных русскому подданству, и отбирать у них имущество, не забывали бы мягкого обращения с окружающими христианами, словом и делом, то до сих пор сохранили бы они целостность. Так, имамы и ученые полагали, что борьба за независимость и приобретение рая ограничивается только лишь ведением священной войны против русских и враждебным отношением к мусульманам, оставшимся под властью России. Так нет же! Они обязаны были вместе с этим следить за остальными делами, связанными с порядком, которые показали [воочию] европейские правители.

Также надлежит помнить, что управлять народом согласно справедливости закона является более важным, нежели соблюдение шариатских норм. И когда имамы и ученые Дагестана, стремясь проследить за первым, не обращали своего внимания на второе, то они упустили обе. [В результате чего] не подчинился имамам всякий дагестанец, чье сердце они ранили [ненадлежащим отношением]. Подтверждением сказанному служит Грузия. До того как она перешла под власть Российской державы, с ней заигрывали османская и иранская державы, применяя невежественную политику, не имея [своей] целью улучшение [состояния грузинского] государства. Они требовали [выплаты] дани, прежде чем сделать свою власть полной.

Они так и не узнали, каким образом прибрать Грузию под свою власть, тогда та обратилась за помощью к русской державе, братьям своим по вере. И та в свою очередь взялась управлять Грузией наилучшим образом: привела в порядок ее быт и прочие дела, связанные с человеческими надобностями, несмотря на то, что приходилось менять обычаи, бытовавшие здесь с давних времен. Сейчас многие народы Азии, до которых не дошла мощь [русской] державы, отстают от Грузии. И по невежеству своему те две державы многое упустили и упустят еще больше, если не поменяют своего невежественных воззрений в отношении своих подданных.

Не секрет, что дагестанцы пылки и храбры и в достаточной степени обладают гражданским самосознанием, особенно после объявления там имамов, хотя не

достигают уровня [европейских] стран. Пускай для европейцев горец во многих отношениях выглядит невежественным, он не может стать превносителем культуры для горцев. Невежественность [как таковая] не характерна на юго-восточном Кавказе.

После того как наш Пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует, совершил хиджру из Мекки в Медину в 508 году от рождения Мессии Исы, мир Ему, земля арабов была озарена светом знания, культуры и науки вплоть до смерти праведного халифа Умара ал-Фарука, который превзошел остальных халифов своими знаменитыми победами. Его мощь дошла до самого Балха, Бухары, Самарканда, Персии, Рима и Азербайджана, как это известно из древней истории. Когда же умер праведный халиф Умар, то вместе с ним умерло знание и справедливость. С тех пор вся земля арабов погрузилась во тьму. После этого двинулись потомки дядей пророка Хамзата и Аббаса вместе со своими войсками на Северный Кавказ с намерением распространить шариат. Они дошли и до Дагестана. Так, согласно древним историческим источникам правители Хайдака, Табасарана и Шамхала были ставленниками аббасидов и хамзатидов. Назначив одного из своего числа правителем над всеми, [они] мечом распространили в Дагестане юридикзм (*ал-муридийа*), а остальные вернулись к себе на родину. Их предводитель Абу Муслим умер в Аваристане, в селении Хунзах. Там находится его могила, ее посещают и получают от нее благодать. У него имеется меч, с которым он сражался, и плащ, на внешней стороне которого написан весь Коран.

Затем эти наместники (*нувваб*) отступили от религии, насильно навязанной им теми господами, и предали их. Тогда тот правитель (*раис*), назначенный аббасидами над теми наместниками, написал, что мол такой-то из наместников предал, такой-то отступил, и с тех пор это прозвище закрепилось за ними. Это причина того, что их стали называть ханами от арабского глагола «хана», означающего «предал, поступил вероломно». Пусть не введет тебя в заблуждение, что это титул доставляет тому, кто его носит, какое-либо достоинство или превосходство. Подобно тому, как [ханы] гордятся этим титулом, не ведая его происхождения. «И обмануты они, подобно Зайду, оболыщенному тем, что его уподобили [льву]». Значение этого слова нам разъяснил сам покойный имам Шамиль в городе Калуга.

Спустя некоторое время, когда временно усилилось могущество Ирана, они возытели желание завладеть Дагестаном, и в 1744 году [12] с такими намерениями Надир-шах со своими полчищами двинулся туда. Однако дагестанцы на горе Турчи-даг вблизи нашего города Гази-Кумуха нанесли ему позорное поражение. При этом отважно действовал Муртадали-бек сын Чулак-Сурхая Газикумухского.

Таким образом, наука и культура в Аравии то процветала, то приходила в упадок вплоть до X века. Из-за грубости и упорного фанатизма исламских ученых-богословов и их недостаточного рвения в решении вопросов, связанных с соблюдением государственных законов, европейцы опережают мусульман там, где они ранее добивались максимальных результатов. [Это потому что] они ограничиваются лишь тем, что они нашли в трудах прежних ученых, не делая при этом отличия между более и менее предпочтительным. Вместе с этим мусульманская религия терпит упадок в подтверждение слов Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует: «В начале Ислам возник неприметно и в конце станет также неприметным».

Суть данной речи заключается в том, что религиозное и мирское не из одного русла и что знание одного не означает знание другого, но при этом первое не отвергает второе и наоборот. Религия служит для Аллаха, а мирское для жизни. Несчастлив тот, кто не владеет ими обеими и остался в своем отчуждении и консерватизме и полагает, что только совершение омовения и обращение в сторону киблы, а также земные поклоны и пребывание в молитвах составляет основу ислама. [Нельзя считать себя полноценным], не обладая другими благими качествами, с которыми знаком всякий разумный, и не избавившись от скверных [черт], таких как ложь, воровство, показуха, гордыня, тщеславие, злословие, клевета, зависть и другие известные пороки.

Нам, дагестанцам, разве не стыдно перед Всевышним утверждать, что мы мусульмане, вместе с тем предаваясь этим мерзостям больше чем другие, но при этом упрекая представителей других религий и обвиняя их в том, чего в них нет. Это неверное утверждение, ведь разумный не станет замечать в другом того, что не видит в себе. Поразмысли и помни, «наставляй, ибо, воистину, наставление приносит пользу верующим» [13], иначе мы упустим мирское и не достигнем другого.

17-го мая, 1884 года, джумад ал-уля 1301 года.

Когда в редакции газеты «Кашкюль», публикуемой в городе Тифлисе на турецком языке мне адресовали вопрос о некоем человеке, объявившемся в арабском Судане и утверждающем, что он якобы Махди, я решил поведать о некоторых его признаках согласно изречениям нашего пророка Мухаммада, [да благословит его Аллах и да приветствует] [14]. Передают Ахмад, Абу Дауд, Ат-Тирмизи, Ибн Маджа, ал-Байхаки и другие [передатчики хадисов]: «Махди из рода моего, от потомков Фатимы». Также передает Ахмад и другие: «Махди из семьи моей...». Также передает Ахмад от Савбана со слов Пророка [да благословит его Аллах и да приветствует]: «Когда же вы увидите черные знамена, идущие со стороны Хорасана, то идите к ним навстречу даже ползком по льду. Воистину, среди них будет находиться наместник Аллаха Махди». Передает Абу Нуайм [со слов Пророка]: «Аллах пошлет человека из моей семьи с щербинкой, высоким лбом и лицом подобным яркой звезде, у него [будет] облик араба и тело израильтянина». Передают Ибн Хиббан и Хаким, что Пророк [да благословит его Аллах и да приветствует] сказал: «С каждым днем дела будут все более ухудшаться, мир все больше будет регрессировать, люди будут становиться жадными и не наступит конец света, кроме как для наихудших из людей, и Махди никто иной, как Иса сын Марьям». То есть Махди никто иной как [Иса]. Примечание! Достоверным считается, что Махди объявится до того, как на землю снизойдет пророк Иса или одновременно с ним и поможет ему убить антихриста (даджал) у ворот Лода на земле Палестины [15]. В [одной] книге сказано, что явится Махди и его имя [будет] Ахмад ибн Абдуллах. В ту пору ему будет сорок лет. Это мужчина с густыми бровями, глубоко сидящими глазами, широкоплечий, самый знающий из людей и самый кроткий среди них. Он [будет] из потомков Хусейна. Когда он [будет] стоять, то кончики пальцев его рук [будут] достигать земли [16]. [На этом] все!

О Аллах! Не подвергай нас наказанию за прежние проступки и обрати сердце царя в нашу сторону, затем чтобы пролились на нас упоительные милости его. Аминь.

22 ноября, 1884 года.

Саййид Абдурахман ибн шайх Джамалуддин ал-Хусайни ал-Гумуки ад-Дагистани». Конец текста.

Из текста сочинения следует, что автор сопровождал царские войска, направлявшиеся в горы Дагестана для борьбы с силами Имамата, и, таким образом, был очевидцем описываемых им событий. Данное произведение писалось по прошествии времени после подавления восстания с позиции офицера царской армии, что не могло не наложить отпечаток на политическую ориентацию, позицию автора относительно восстания и язык сочинения. Однако при этом автор также не однозначно описывает деятельность органов царской военно-народной администрации в предшествовавшее восстанию время, обвиняя их фактически в попустительстве и потворстве восстанию.

В обеих редакциях своего сочинения, посвященного восстанию 1877 г., Абдурахман использует ряд поэтических вставок, цитат без указания авторства, аятов Корана. Сочинение изобилует аллегориями и отступлениями назидательного характера. Во второй редакции автор меняет часть глаголов на более подходящие, с его точки зрения, в некоторые места вносит дополнения, а некоторые исключает из текста, при этом сохраняет структуру и содержание первой половины произведения. Условно вторая часть сочинения меняется кардинально. В редакции 1883 г. это панегирик князьям Н.З. Чавчавадзе (генерал-майор, начальник Западного Дагестана накануне восстания, позднее, в 1881 г., назначенный губернатором Дагестанской области) и И.Д. Орбелиани

(после подавления восстания 1877 г. являлся начальником Среднего Дагестана и Гунибского округа). В редакции 1884 г. Абдурахман пишет о положительном опыте российской власти в Дагестане и на Кавказе, о положении его родины до прихода трех имамов, анализирует причины падения имамата и др. Завершает он свое сочинение рассуждениями, которые сводятся к необходимости изучения светских наук, наряду с религиозными, поскольку «знание одного (религиозного. – Авт.) не означает знание другого (мирского, светского. – Авт.), но при этом первое не отвергает второе и наоборот». Природа этих мыслей автора становится ясна из дополнения к данному сочинению, где Абдурахман упоминает о сотрудничестве с газетой «Кашкуль». Она издавалась в Тифлисе арабской графикой на турецком языке просветителями братьями Джалалом и Саидом Унсизаде с января 1883 г. по октябрь 1891 г. [17] С ними дружил и сотрудничал один из основателей просветительского движения мусульман Исмаил Гаспринский, который начал издание своей известной газеты «Тарджуман» в их типографии [18]. Таким образом, мы можем сказать, что Абдурахман, возможно, первым из дагестанцев воспринял модернистские идеи, ставшие впоследствии известными как «джадидские».

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагестани. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля. Калуга, 1281 г.х.: Хуласат ат-тафсил ан ахвал имам Шамуил / пер. с араб., введ., коммент., указ. Н.А. Тагировой. М.: Вост. литер., 2002. С. 16.
2. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / пер. с араб. М.-С. Саидова; ред. пер., подгот. факс. изд., коммент., указ. А.Р. Шихсаидова, Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.
3. Канчавели Н.Г. Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1294 г. // Мравалтави. Историко-филологические исследования. Тбилиси, 1975. Т. IV. С. 122-135.
4. Гусейханов С.М., Мусаев М.А. Абдурахман из Газикумуха: «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1877 году» (предисловие, текст, перевод, комментарии) // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2008. Вып. № 1. С. 52-66.
5. Канчавели Н.Г. Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1294 г. // Мравалтави. Историко-филологические исследования. Тбилиси, 1985. Т. XI. С. 230-254.
6. Коран (55:37). Здесь и далее аяты Корана даны в переводе М.-Н.О. Османова.
7. Игра слов: подразумевается укрепленный Георгиевский (Салтинский) мост, с захвата которого началось восстание и мост через реку бесчестия.
8. Командовал Темир-Хан-Шуринским отрядом, впоследствии переименованным в Кайтагский, активно действовавшим против комбатантов в 1877 г.
9. Коран (41:46).
10. Речь идет о восшествии Александра III на престол.
11. Коран (14:24).
12. Дата указана неточно.
13. Коран (51:55).
14. Здесь и далее передано буквами айн + мим.
15. Здесь Абдурахман придерживается мнения ученых, которые считают, что Махди должен являться потомком Пророка по линии Фатимы и что версия, что Махди является пророком, отождествляемым с Исой, менее убедительна.
16. Подразумевается большая физическая сила.
17. Сабир, Мирза Алекпер. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1983. С. 282.
18. Edward J. Lazzerini. Ismail Bey Gasprinskii's Perevodchik/Tercuman: A Clarion of Modernism // «Central Asian Monuments» ed. by H.B. Paksoy. URL: <http://eurasia-research.com/erc/008cam.htm> (дата обращения: 15.12.2010).

Поступила в редакцию 15.03.2011 г.
Принята к печати 23.12.2011 г.